

Н. В. Калиберда

*Дніпровський національний університет імені Олеся Гончара***ФЕМИНИСТСКАЯ КРИТИКА О СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ИСТОКАХ
ГЕНДЕРНОГО ПОВОРОТА В ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ**

У статті прокоментовано положення робіт провідних західних літературознавців, які широко використовують наукові практики жіночих досліджень, феміністської критики і теорії гендеру. Констатується затребуваність появи поняття гендеру в міждисциплінарному просторі постмодерністської гуманітаристики. Розглядаються закріплені в історії та соціумі маскуліні й фемініні поведінкові типи, що, поглиблюючись у часі, визначають розбіжності культурної ідентичності чоловіка та жінки. Викладено гіпотези феміністських критиків про піднесення жанру англійського роману в XVIII ст. Безперечно, жінки-автори прискорюють становлення літературної форми, що спочатку принесла славу письменникам-чоловікам. Саме тексти, створені жінками, адресовані жіночому колу читачів, не тільки описують простір повсякденності, сім'ї, де царює жінка, але й доповнюють, збагачують «чоловічий» *Bildungsroman*, і, нарешті, сприяють триумфу жанру в наступні століття.

Ключові слова: жіночі дослідження, феміністська критика, теорія гендеру, гендерний поворот, культурна ідентичність, гендерні відмінності.

В статье комментируются положения работ ведущих западных литературоведов, широко использующих научные практики женских исследований, феминистской критики и теории гендера. Констатируется востребованность появления понятия гендера в междисциплинарном пространстве постмодернистской гуманитаристики. Рассматриваются закреплённые в истории и социуме маскулинные и феминные поведенческие типы, определившие постоянно углубляющиеся несовпадения культурной идентичности мужчины и женщины. Излагаются гипотезы феминистских критиков относительно возвышения жанра английского романа в XVIII ст., убежденных в том, что женщины-авторы внесли существенный вклад в становление литературной формы, поначалу прославившей писателей-мужчин. Именно тексты, описывающие пространство повседневности и семьи, которое принадлежало женщине, созданные женщинами и адресованные женскому кругу читательниц, по мнению исследователей, эффектно дополнили, обогатили мужской *Bildungsroman*. И в конечном итоге способствовали триумфу жанра в последующие столетия.

Ключевые слова: женские исследования, феминистская критика, теория гендера, гендерный поворот, культурная идентичность, гендерные различия.

The article comments on the prominent works of the leading Western literary critics who widely use the approaches and terminology of women's studies, feminist criticism and gender theory. The demand for the emergence of the concept of gender in the interdisciplinary space of postmodern humanities is stated. The masculine and feminine behavioral types fixed in history and society, which determined the constant delving into difference between the cultural identity of a man and a woman, are considered. The hypotheses of feminist critics regarding the rise of the 18th-century English novel, convinced that women writers have made a significant contribution to the development of the literary form that at first glorified men writers, are outlined. It was the texts describing the space of everyday life and family, which belonged to a woman, created by women and addressed to the female readership, that have effectively enriched the male *Bildungsroman*. As a result they contributed to the triumph of the genre in the next centuries. According to Nancy Armstrong, in assuming centrality over the field of novel studies, feminism not only succeeded in transforming that field, it also transformed the kind of power that it took to dominate. In the effort to devalue a literary tradition that insisted that the domination by ruling-class

men was natural, desirable, necessary, feminism insisted that culture spoke most powerfully when it spoke from the periphery.

Key words: women's studies, feminist criticism, gender theory, gender turn, cultural identity, gender differences.

Феминистская критика широко освещает значение гендерного поворота в современном литературоведении [5–7; 11; 14–16]. Теоретики феминизма указывают на размежевание англо-американского эссенциализма и французского постструктурализма, возникшее как следствие введения в научный обиход категории гендера, которую рассматривают как продукт изменчивой культурной истории, отличной от понятия природный пол.

Исследователи, вдохновлённые идеей деконструкции Деррида, Поля де Мана и солидарных с ними французских феминисток, утверждают, что недооценка креативных способностей женщины восходит к сужению представления о личности, сведению её к некоему риторическому единству, что позволило закрепить за авторами-мужчинами приоритет создания универсальной формы, как бы присущей самому языку. Положение, когда мужчина либо женщина обладают различной культурной идентичностью благодаря такого рода подменам, всё же не объясняет, почему «некто по имени де Ман» преодолевает сопротивление социума, достигает авторитета, признания, в то время как пути вхождения в общество женщины несут на себе печать изъятия и нетождественности признанному маскулинному риторическому образцу [2; 3; 17].

Стремясь найти ответ на вопрос, почему феномен письма не подвергается критике в случае мужского авторства и, напротив, оценивается неоднозначно, если сочинителем выступает женщина, Наоми Шор прослеживает теорию вопроса и утверждает, что история проблемы, начиная с середины XVIII ст., не столько связана с характером женского письма, сколько с теми свойствами, которые в нём преобладают. По её мнению, женское письмо отличается декоративностью стиля, совмещает эмоциональность, эклектику, при этом ему присущи прозаичность, укоренённая в пространстве повседневной жизни, где женщине принадлежит первенство [21, p. 4].

Все, кто заинтересован узнать о том, как категория гендера стала доминировать в процессе осознания мира, подсказывает Нэнси Армстронг, должны вспомнить культурно-историческое допущение Мишеля Фуко [4, p. 106]. Предметно не занимаясь проблемой гендера, Фуко, тем не менее, утверждал, что истинная история культуры является историей понятий, типологически репрезентирующих людей, определяющих их место в социуме, возможности общения, во многом опираясь на дифференцированные системы устоявшихся категорий, постоянно «переустройствающих» жизнь. Феминистки приняли видение истории Фуко, допустив, что восприятие маскулинного и феминного, смешиваясь на ранних этапах культуры, искажают такие концепты, как род, власть, обретающие в сознании индивидуума неповторимость благодаря личному опыту [11, p. 10].

Литературоведы предполагают, что в «Памеле» (1740) Ричардсона, «Гордости и предубеждении» (1813) Остен, «Грозовом перевале» (1847) Эмили Бронте, «Джейн Эйр» (1847) Шарлотты Бронте и других романах гендерный аспект исторического процесса нашёл отражение прежде, чем нормы существования в пределах дома утвердились в умах читателей. Преображение общества, разделённого на аристократическую элиту и подданных, в среду, где обострённо ощущается несовпадение социальных ролей мужчины и женщины, приходится на эпоху модерности. И как только возникает понимание различия гендерных поведенческих моделей, женщины начинают задумываться над возможностью участия в политических и интеллектуальных событиях своего времени [4, p. 106].

Попытки переосмысления феминистской литературной теории, возникшей как своего рода компенсация за отсутствие независимой социальной пози-

ции и права голоса женщин в обществе, достигают апогея в книге Джудит Батлер «Проблемы гендера» (1990) [9, р. 6]. Отталкиваясь от поздних работ Жака Лакана, Батлер трактует обретение феминной идентичности через событие негации. Исследователь убеждена, что независимо от биологического пола личность рождается как набор возможностей и воплощается в культуре как гендер тогда, когда индивидуум теряет феминные либо маскулинные свойства. Батлер полагает, что качества, недостающие человеку, и определяют его идентичность. Однако это не единовременный, но длительный процесс, заполняющий всю оставшуюся жизнь. Идеи Джудит Батлер, более обеспокоенной вопросом литературной идентичности, нежели тем, как литература функционирует в определённых темпоральных границах, существенно повлияли на теорию романа [9, р. 6].

В свою очередь Нэнси Армстронг призывает осмыслить воздействие феминистской критики, впитавшей положения французского постструктурализма, на читательские практики, вошедшие в обиход с лёгкой руки Сандры Гилберт и Сьюзан Губар (1979). Как только понятие феминность трансформировалось в ёмкий культурно-философский концепт, тогда же принялись полемизировать и с фундаментальным положением феминистской теории о том, что гендерное несходство, пронизывающее литературу, возникло благодаря биологическому различию и разделению труда, утвердившему преобладание одной гендерной модели над другой [15; 16].

Нэнси Армстронг указывает, что критики, испытавшие влияние постструктурализма, вместо того, чтобы сосредоточить внимание на возможностях и ограничениях, которые приписывают женщинам из-за неполной социальной востребованности, видят в литературе чуть ли не единственную причину заточения женщины в пространстве дома и сведения её роли лишь к материнству [4, р. 107]. Утвердившееся благодаря практикам деконструкции убеждение в том, что маскулинность проявляется часто вследствие недостатка феминности, приводит к настороженному отношению к женщинам, тяготеющим к проявлениям маскулинных форм власти и недоверию к мужчинам, сохраняющим в своём поведении знаки феминности. Вероятно, поэтому объясним и феномен враждебного неприятия феминистских течений в XIX веке, и сложная реакция на появление образа «новой женщины» в культуре XIX–XX ст. В дальнейшем полнота инструментария, описывающего гендер, предшествует введению в обиход концептов тела/телесности до того времени, пока представление о теле не будет включено в пространство культуры.

Напомним, что прежде в гуманитаристике историко-культурный фон наделяли преимуществом по отношению к литературному тексту. Но в последние годы романы воспринимают скорее как материал, который изначально служит документальным подтверждением Истории, теперь получившей признание в форме нового историзма. Обыкновенный читатель видит в романе отражение подлинной жизни и его, подчёркивает Нэнси Армстронг, трогает участь героя. Но в случае, если письму отдают первенство над бытием, – следуя постструктуралистам, утверждающим, что бытие определяет идентичность человека, – тогда именно оформляющийся в процессе рецепции читательский нарратив переупорядочивает авторское повествование и по-своему – судьбу протагониста. Долгое время литературная критика воспринимала романы как отклик на исторические события, а носители культуры Нового времени ощущали себя героями собственной романной истории и, по крайней мере, в течение двух столетий видели в романе важную составляющую духовного климата эпохи [4, р. 107].

Нэнси Армстронг допускает вероятность существования альтернативных моделей взаимодействия политики и культуры в истории европейского общества. И если политика доминирует над культурой, как это происходит в авторитарно регулируемых социумах, тогда в истории, полагает исследователь, утверждает-

ся маскулинная парадигма культуры, где преобладают состязательность, ценится успех и обладание капиталом. Если политика уступает первенство культуре, открыта либеральной морали, публичная сфера «феминизируется», не довлеет над личным пространством индивидуума, общество ориентируется на этику среднего класса и, по наблюдению Лорен Берлант, голос отдельной личности, её позиция становятся формой гражданского действия, бросая вызов богатству, сложившейся элитарной иерархии [6, p. 101].

Знаменитая Хелен Моглен в «Травме гендера» (2001), заявленной как феминистская теория романа, во многом солидарна с Нэнси Армстронг. Моглен противостоит и опровергает основные положения традиционной истории английского романа. Ей не представляется окончательным мнение о том, что буржуазная этика и социальная зрелость среднего класса в большей мере стали первопричиной рождения жанра. Литературный критик не соглашается с тем, что реалистичность является как бы подлинным признаком романа [18, p. 1]. Моглен хотела бы предложить иную гипотезу, которая не столько отражает метаморфозы классовых отношений эпохи, сколько коррелирует с сексуально-гендерным раскладом социальных ролей, сложившихся в Англии XVII-XVIII вв. Она допускает, что с самого начала романное целое было не однородным, но смешанным, состоящим из книжно-романического и реалистического материалов¹ [18, p. 1]. Конститутивное соединение этих двух потоков внутри единой эволюционирующей формы, полагает Моглен, не было случайным. Их динамическое взаимодействие и стало способом овладения трудным опытом каждого субъекта, задумывающегося о гендерной иерархии общества. Поэтому, отмечает исследователь, осознание категории гендера как структурообразующего начала жанра подразумевает возвращение к концепции «пластичности» сложного романного образования, условно пересоздающего либо, напротив, фактуально реконструирующего реальность. Однако для того, чтобы оценить игру взаимоотталкивания/притяжения реалистического и книжно-романического нарративов, необходимо осознать изменчивый характер авторской субъективности, вовлечённой в принятие или отрицание нормы гендерного различия.

Историческим фундаментом данной гипотезы, объясняет Моглен, является признание того факта, что изменение классового состава эпохи было неотделимо от процессов осмысления гендерных различий. Обобщая закономерности сложных исторических процессов, можно заметить, что к середине XVII ст. происходит сдвиг в пуританском патриархатном мироощущении, воспринимавшем государство, семью как образы-подобия, а социальный статус – как явление, утвердившееся благодаря институту наследования [18, p. 2]. Хелен Моглен считает необходимым развёрнуто представить читателю социокультурные обстоятельства, предшествующие появлению феномена гендера и новоевропейской эпохи. Так, Моглен напоминает, что в то время как в античном и средневековом обществах проблема социального статуса личности была более значимой, заслоняла вопрос об отношениях мужчины и женщины, модерная форма патриархатной власти была скорее организована вокруг бытийственных и биологических различий. Тогда же проницаемые границы классов были усложнены и дополнены гибкой гендерной дифференциацией, которая подчеркнула поведенческо-ролевые различия мужчин и женщин. Свойства маскулинности и феминности стали оцениваться как природные, незыблемые, а личностная идентичность конкретизировалась в границах определённой эпохи [18, p. 2].

¹ Хелен Моглен «разводит» западноевропейские романские формы XVII-XVIII вв. согласно поэтике воображения и факта, быть может, излишне смело оперируя понятиями фантастического и реалистического нарративов [18, p. 1].

Экономические перемены, сопровождавшие подъём капитализма, внесли значительный вклад в трансформацию сексуально-гендерной системы. И хотя историки подчёркивают зависимость этих перемен от социального положения личности и географической самобытности страны, существует мнение, что отношение к женщинам в Англии радикально изменилось с 1600 по 1750 годы. В XVI в. европейские женщины были активно вовлечены в процесс обустройства домашнего быта, а также участвовали в рыночной торговле. Однако последующие полтора столетия отмечены крушением форм домашней экономики: отдельные поместья приходят в упадок, состояния укрупняются, а работа, которую прежде выполняли дома, перемещается в публичную сферу, куда женщинам путь был заказан. Семья уже не воспринимается как единица производства, а взаимозависимость членов семьи замещается разделением труда, согласно гендерным отличиям.

В то время как мужчины, принадлежащие к среднему классу, попадают в широкий мир социальных отношений в качестве граждан, экономических индивидуумов, их избранницы, напротив, замкнуты в личном пространстве, где выполняют долг матери и жены. Ощущая себя неуверенно из-за социальной и экономической несвободы, женщины становятся объектами двойственного отношения со стороны детей, чьей жизнью в младенчестве они распоряжаются. Их сыновья рано отторгают собственный жизненный опыт от материнского, тогда как дочери видят в них своё будущее, принимают как должное ограничение прав в обществе. Овладевая новыми формами субъективности, мужчины и женщины как бы превосходят более позднюю модель семьи. В этом «Мире для двоих», замечает Моглен, мужское сознание традиционно соотносят с рациональностью, а женское – со стихией чувства. Как следствие, за маскулинной рассудочностью закрепляют процессы креативности, управления культурой, а женскую чувствительность наделяют способностью творческого воплощения порою несамостоятельных идей [18, р. 2].

Нарастающие в эпоху модерности разделения труда поддерживают сексуально-гендерную систему отношений в обществе. В культуре этого времени также изменяется восприятие женского тела, которое оценивают как центр нового бинарного порядка. В нём более не видят вариант мужского тела, как это было, начиная со времён Галена (II ст.н.э.). Теперь различие представляется весомым и касается не только сексуальной и репродуктивной функций. Ещё в эпоху Ренессанса женскую сексуальность понимали не только как зеркальное отражение мужской, но как более требовательную и глубокую, а XVIII ст. изменило представление о женской страсти и желании, теперь уже более зависимых от самодисциплины женского характера, трактуемого как нравственно совершенный и природно зрелый.

К концу столетия взгляды по поводу умения женщины контролировать силу любовной страсти переменялись: сексуальность женщины отделяют от её материнства и, наконец, утверждается мнение о женской сексуальной пассивности. Теперь уже женская природа скорее ассоциировалась с материнством, нежели с сексуальностью. Возможность обращаться к теме сексуальности женщины допускается в случае её девиантного поведения в обществе, поэтому соперницу добропорядочной женщины наделяют двойственным гендером, где преобладает мужское начало. Несколько позже, когда тему сексуальной активности женщины стали хотя бы обсуждать, вопрос о сексуальной пассивности мужчин также начали описывать как некую социальную аномалию. Постоянно приходит понимание того, что концепты маскулинности и феминности не столько являются отличными друг от друга, сколько взаимоисключающими.

Представление о неповторимости индивидуального сознания, единичности переживания отношения «я» и мира формируются в контексте противостояния маскулинной и феминной оппозиции, так же как и личный опыт. Несовпадение

и несходство расовых, национальных, классовых характеристик «просеивают» с помощью сексуальных различий. Общество становится более «сложно размеченной» территорией, где мужчины и женщины должны взаимодействовать, следуя кодексу морали. Влечение и интерес мужчины и женщины друг к другу закрепляются благодаря институту брака, теперь уже в большей мере основанному на взаимном чувстве, а не на имущественном мотиве, что позже составляет романтическую сторону восприятия такого союза [18, р. 3].

Хелен Моглен полагает, что именно в жанре романа, более чем в других художественных формах, социально-психологическое значение гендерного различия широко описывается и обсуждается [18, р. 3]. Романы знакомят читателя с идеалами маскулинности и феминности, разъясняют их, показывают, как они воплощаются в многообразии социальных ролей, которым следуют и подражают. Объединяя социальную и психологическую перспективу, романы одновременно способствуют распространению ценностей культуры, а также подвергают критике её изъяны. С помощью подробной детализации характеров и ситуаций романы обнажают чувства и желания авторов, выявляют двойственность, которая лежит в основе гендерной субъективности.

Историк Норберт Элиас (1969) проследит развитие цивилизационного процесса, благодаря которому у индивидуума повышается самооценка, и он открывает для себя личные интересы, осознает границы приватной сферы. Детально описывая изменения в повседневном поведении в течение двух столетий, Элиас показывает, как индивидуумы раннего Нового времени отдаляются от общности, с которой они прежде социально и психологически себя соотносили. Так как утверждается интерес к собственной личности, противостоящей традиционной практике группы, регуляция поведения отдельного человека становится все более свободной, согласуясь с установками семьи и индивидуального сознания. Когда система ограничений в пределах общества получит общечеловеческое распространение, станет частью опыта и самоконтроля, представление о физиологии человека усложнится. Наконец-то, нравы начнут соотноситься с моралью, а мораль обозначит проблему желания как проявление власти бессознательного над человеком. Чувство вины и стыда превратят неустойчивое, разорванное «я» в судью и подсудимого, а скрытое сопротивление запретам общества подаст сигнал о существовании бессознательного уровня в человеке [10, р. 5].

В культуре раннего модерна нарастает интерес к внутреннему «я», углубляется самосознание индивидуума, совершенствуется техника рефлексии, приходит понимание значимости отдельной личности, противостоящей давлению общества, стремящийся к свободе. Озабоченность собою, поглощённость своим «я» приводит к обособленности, желанию быть самодостаточным, умению вести себя прагматично, состязательно. На психологическом уровне осознание себя одновременно субъектом и объектом действия, стремление к независимости и невозможность порвать с обществом порою приводит к «разорванности» «я».

Роман, с одной стороны, широко освещает, с другой – показывает особенности сложившихся сексуально-гендерных отношений в обществе, способствует упрочению в литературной практике женского и мужского авторства, отныне определяющего литературную традицию Европы, дополненную и усложнённую его несходными повествовательными перспективами, одна из которых объёмна и открыта внешнему миру, другая – обращена к пространству сознания.

Библиографические ссылки

1. *Ватченко С. А.* Английский роман XVIII столетия: социокультурные версии возвышения жанра / С. А. Ватченко // Вісник Дніпропетровського університету імені Альфреда Нобеля. Сер. «Філологічні науки». – 2013. – 1(5). – С. 27–33.
2. *Деррида Ж.* О грамматологии / Ж. Деррида. – М.: Ad Marginem, 2000. – 540 с.

3. *Ман П. де*. Аллегории чтения: Фигуральный язык Руссо, Ницше, Рильке и Пруста / П. де Ман. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. – 368 с.
4. *Armstrong N.* What Feminism Did to Novel Studies / N. Armstrong // *The Cambridge Companion to Feminist Literary Theory* / [ed. by E. Rooney]. – Cambridge University Press, 2006. – P. 99–118.
5. *Armstrong N.* Desire and Domestic Fiction: A Political History of the Novel / N. Armstrong. – N. Y.: Oxford University Press, 1989. – P. 3–27.
6. *Berlant L.* The Queen of America Goes to Washington City: Essays on Sex and Citizenship / L. Berlant. – Durham: Duke University Press, 1997. – 320 p.
7. *Bowers T.* Gender Studies and Eighteenth-Century British Literature / T. Bowers // *Literature Compass*. – 2007 (May). – P. 935–966.
8. *Bowers T.* The Achievement of Scholarly Authority for Women: Trends in the Interpretation of Eighteenth-Century Fiction / T. Bowers // *The Eighteenth Century*. – 2009 (Spring). – Vol. 50. – № 1. – P. 51–71.
9. *Butler J.* Gender trouble: feminism and the subversion of identity / J. Butler. – N.Y., London: Routledge, 1990. – 175 p.
10. *Elias N.* The Civilizing Process (The History of Manners, Vol.I) / N. Elias. – Oxford: Blackwell, 1969. – 586 p.
11. *Foucault M.* The Will to Knowledge (Vol. I) // *The History of Sexuality* (3 vols.) / M. Foucault. – N. Y.: Pantheon Books, 1978. – 164 p.
12. *Gallop J.* The Daughter's Seduction: Feminism and Psychoanalysis / J. Gallop. – Ithaca: Cornell UP, 1982. – 164 p.
13. *Kauffman L.* Gender and Theory: Dialogues on Feminist Criticism / L. Kauffman. – Oxford, N.Y.: Blackwell, 1989. – 272 p.
14. *Gallagher C.* Nobody's Story: The Vanishing Acts of Women Writers in the Marketplace, 1670 – 1820 / C. Gallagher. – Berkeley: University of California Press, 1994. – 339 p.
15. *Gilbert S.* The Madwoman in the Attic: The Woman Writer and the Nineteenth Century Literary Imagination / S. Gilbert, S. Gubar. – New Haven: Yale University Press, 1979. – 719 p.
16. *Gubar S.* What Ails Feminist Criticism? / S. Gubar // *Critical Inquiry*. – 1998. – № 24. – P. 878–902.
17. *Johnson B.* A World of Difference / B. Johnson. – Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1987. – 256 p.
18. *Moglen H.* The Trauma of Gender: a Feminist Theory of the English Novel / H. Moglen. – Berkeley: University of California Press, 2001. – 193 p.
19. *Moi T.* Sexual/Textual Politics: Feminist Literary Theory / T. Moi. – L.: Methuen, 1985. – 224 p.
20. *Richetti J.* An Emerging New Canon of the British Eighteenth-Century Novel: Feminist Criticism, the Means of Cultural Production, and the Question of Value / J. Richetti // *A Companion to the Eighteenth-Century English Novel and Culture* / [ed. by Paula R. Backscheider and C. Ingrassia]. – Blackwell Publishing Ltd, 2005. – P. 365–382.
21. *Schor N.* Reading in Detail: Aesthetics and the Feminine / N. Schor. – London: Methuen, 1987. – 280 p.
22. *Seager N.* Feminism and the Rise of the Novel / N. Seager // *The Rise of the Novel* // N. Seager. – N.Y.: Palgrave Macmillan, 2012. – P. 89–108.
23. *Wiegman R.* What Ails Feminist Criticism? A Second Opinion / R. Wiegman // *Critical Inquiry*. – 1999. – № 25(2). – P. 362–379.

Поступила в редколлегию 07.09.2018 г.